

- ⁷² Там же. С. 53.
- ⁷³ Соколова З.П. К вопросу о формировании этнографических и территориальных групп у обских угров // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975. С. 199, 207.
- ⁷⁴ Мартынова Е.П. Указ. раб. С. 182.
- ⁷⁵ Соколова З.П. К вопросу о формировании... С. 199.
- ⁷⁶ Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Ханты: чужие на своей земле? // Народы Сибири: права и возможности. Новосибирск, 1997. С. 104–105.
- ⁷⁷ Васильев В.И. К этнической характеристике населения Западносибирской лесостепи в первые века н.э. // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск, 1989. С. 77.
- ⁷⁸ Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья ... С. 174–175; *её же*. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск, 1991. С. 128. Схема 2; С. 129–130.
- ⁷⁹ Косарев М.Ф. Указ. раб. С. 22.
- ⁸⁰ Там же. С. 26.
- ⁸¹ Соколова З.П. Обско-угорский феномен (Север-Юг) // III Конгресс этнографов и антропологов России: Тез. докл. М., 1999. С. 32.
- ⁸² Федорова Е.Г. Рыболовы и охотники бассейна Оби: проблемы формирования культуры хантов и манси. Европейский Дом. СПб., 2000. С. 178–181.
- ⁸³ Косищев П.А. Комплекс костных остатков из могильников ваховских хантов // Сибирские чтения. 1992 г.: Тез. докл. СПб., 1992. С. 50–51.
- ⁸⁴ Косищев П.А. Хозяйство средневекового населения таежной зоны Западной Сибири // Матер. VI Междунар. конгр. финно-угроведов. Т. I. С. 44–51.
- ⁸⁵ Косищев П.А., Морозов В.М., Терехова Л.М. Млекопитающие в системе природопользования средневекового населения Западной Сибири // Современное состояние и история животного мира Западно-Сибирской низменности. Свердловск, 1988. С. 62. Рис. 1, фиг. 8.
- ⁸⁶ Васильев В.И. Экологический фактор... С. 101–102.
- ⁸⁷ Соколова З.П. Жилище народов Сибири. С. 206.
- ⁸⁸ Федорова Е.Г. О возможных путях... С. 196.
- ⁸⁹ Соколова З.П. Жилище народов Сибири. С. 203.

V.A. Koz'min. Chum in the culture of the peoples of West Siberia and the questions of its origins

The article is devoted to the questions of origin and history of *chum* – one of the types of dwellings of the aboriginal population of West Siberia. On the one hand, on the basis of territorial, typological and genetic evaluations the article postulates independent development of the main types of *chum* among the peoples of West Siberia. But, on the other – a view is aired that the subsequent history of the culture of the peoples of the area, which was affected – apart from all the other factors – by the influence of the Samodian reindeer-breeding culture, was connected with the broad diffusion of the latter's components, *chum* included, within the non-Samodian medium.

© 2002 г., ЭО, № 1

А.С. Мирзоев

НАЕЗДНИЧЕСТВО КАК ТРАДИЦИОННЫЙ АДЫГСКИЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ

Традиционный институт наездничества сыграл важную роль в истории народов Кавказа. Наибольшего развития он достиг у адыгов* и дагестанцев. В той или иной степени этот институт был развит и у других народов Северного Кавказа (абхазов, чеченцев, ингушей, осетин, карачаевцев, балкарцев). У адыгов он существовал с древнейших времен. Народный эпос адыгов «Нарты», возраст которого более трех тысяч лет, рисует легендарных предков нартов необыкновенно воинственными и отваж-

* В советское время название «адыги» употреблялось как собирательное наименование адыгейцев, черкесов и кабардинцев (их общее самоназвание – адыгэ). В литературе XIX в. для их обозначения употребляется термин «черкесы». – *Примеч. ред.*

ными. Основу многих сюжетов нартского эпоса составляют военные походы и набеги на соседние племена, сопровождающиеся захватом добычи, угоном скота и коней. Нередко наргы отправляются в походы и без видимой причины – на поиски дальних краев, где могут проявить свои мужество и удаль.

Зарождение института наездничества у кавказских народов относится к эпохе классовобразования, условно называемой «военной демократией». Именно в это время развитие производительных сил породило естественную потребность общества в захвате новых территорий, имущества и пленных. Но, как и другие общественные явления наездничество перерастало архаические рамки базиса, в недрах которого оно сформировалось. В эпоху феодализма наездничество значительно трансформировалось. Говоря о его общественно-социальной сути, отражающей феодальный, классовый характер наездничества, необходимо отметить следующее: 1) занятие наездничеством было обязательной, неотъемлемой частью социального статуса адыгской феодальной знати (князей и дворян); 2) среди представителей крестьянских сословий оно, хотя и не запрещалось, не имело широкого распространения; 3) захватывать с целью продажи в рабство можно было только крепостных и рабов, обращение в рабство похищенных людей свободных сословий нормы обычного права не допускали; 4) одной из форм функционирования института наездничества была организация сезонных (весенних и осенних) сборов для совершения набегов, участие в этих сборах являлось исключительной прерогативой князей и дворян, представителям же крестьянского сословия доступ в них был закрыт; 5) некоторые признаки (тайный характер, закрытость, террор по отношению к другим членам общества, не имеющим на эти сборы доступа) позволяют предположить, что организация сезонных сборов наездников в лагерях, называемых по адыгски *шу пцылэ* («стан наездников»), связана с древнейшими мужскими союзами периода родоплеменного строя. Но в условиях феодализма она трансформировалась и стала носить классовый характер.

Феодальные отношения у адыгов утверждались под прикрытием старых общественных институтов позднего периода родоплеменного строя (так называемой эпохи военной демократии). Сами же эти институты (наездничество, гостеприимство, аталычество, куначество и др.) не являлись пережитками родоплеменного строя в прямом смысле этого слова: они регулировали совершенно другие отношения, а именно отношения феодального общества. Консервация тех или иных общественных институтов или же их сохранение в трансформированном виде зачастую зависели от особенностей исторического развития данного общества. Для адыгов в течение долгого времени были характерны такие условия исторического развития, как постоянная, не теряющая своей остроты внешнеполитическая напряженность, политическая раздробленность, отсутствие централизованного государства с регулярной армией и другими атрибутами, феодальные междоусобицы и некоторые другие особенности, делавшие их быт военным в прямом смысле этого слова. Такие условия внутреннего и внешнего развития вызывали необходимость появления особых механизмов, способствовавших самосохранению жизнестойкости адыгского общества. Одним из них был чрезвычайно военизированный быт феодальной Черкесии. Правом ношения оружия пользовались все члены общества, кроме домашних рабов. Институт наездничества был одним из способов поддержания высокой военной мобильности. Вполне естественно, что в таких условиях появление категории профессиональных воинов неизбежно. Ими были черкесские князья (*пши*) и многочисленное, возглавляемое ими сословие дворян (*уорков*). В основе высокого положения князей и дворян лежал именно профессионализм в военной сфере. Они считались гарантами политической независимости общества, и этим было обусловлено признание их привилегий. Военное ремесло было единственным занятием уорков, для них считались предсудительными те или иные виды производственных занятий, торговля (за исключением торговли рабами, захваченными в набегах), научная и даже религиозная деятельность.

Война не только стала повседневным явлением в жизни определенной группы населения, долгом и обязанностью высших сословий адыгского общества, но и достав-

ляла им моральное, так сказать эстетическое, удовлетворение. Она была также важным средством социальной мобильности: крестьянин, неоднократно проявивший храбрость во время сражений и набегов, мог быть возведен в дворянское звание.

Рыцарские поединки, дерзкие нападения на соседние народы составляли едва ли не весь смысл жизни князей и дворян. Даже нормы религиозной морали не могли сколько-нибудь заметно поколебать подобный образ мышления и поведения.

Рассматривая институт наездничества (*зеклуэ*), необходимо уточнить содержание термина, его обозначающего. Слово *зеклуэ* в языках адыгов означает и военный поход с целью захвата добычи и приобретения славы за пределами своей малой родины, и путешествие, странствование, т.е. процесс во времени и пространстве. Во время этого путешествия совершались набеги (*теуэ*) и грабежи (*хъуницлэ*). Но, кроме того, странствуя, черкесские рыцари наносили визиты друзьям, сопровождавшиеся пирами и взаимными дарами; заводили новые знакомства в среде чужих и родственных народов; открывали новые неизведанные земли. Для части адыгского общества это был образ жизни. Будучи связанным с риском, для мужчины-воина он был средством самоутверждения, дававшим возможность прославиться, проявить удаль и отвагу. В русском языке термину *зеклуэ* наиболее соответствует термин «наездничество», имеющий двойственную интерпретацию: искусство верховой езды (этот аспект имеет важное значение, но не он является в данном случае определяющим) и наезды небольших отрядов кавалерии или отдельных всадников на неприятеля.

Слово *зеклуэ*, означающее поход, происходит от общеадыгского *зеклуэн* – «ходить». Отсюда можно сделать вывод, что термин этот появился у черкесов в глубокой древности, еще до того, как они стали известными всему миру «конниками» и свои походы совершали пешком или по морю. С выведением местной породы лошадей, известной как «кабардинская» (сами адыги называют ее *адыгэши* – «адыгская лошадь»), военные походы приобрели больший размах и именно в этом одна из причин расцвета черкесского наездничества в XII–XVII вв. Дореволюционные русские историки В.А. Потто, К.О. Сталь, Н.Ф. Дубровин и другие употребляли термин «наездничество» в связи с военными походами и нападениями, беря за основу его слово «наезд», означающее нападение, набег.

Институт наездничества со всеми сопутствовавшими ему атрибутами (своей идеологической базой, обрядами и ритуалами, определенными жизненно важные для общества функции) играл значительную роль в социальной жизни адыгов.

Идеологическое обоснование его как образа жизни обеспечивали находившиеся при дворе князей певцы (*джегуако*). В историко-героических песнях адыгов воспевались не только борьба за свободу и независимость своей Родины, но и разбойничьи набеги на соседние народы, удельные княжества и даже села. По понятиям того времени, и набег, и отражение иноземного завоевания в равной мере считались делом доблести и чести. Более того, отдать жизнь, героически защищая свою родину, было намного проще, чем добиться репутации знаменитого наездника, которая приносила славу: знаменитые наездники пользовались огромным авторитетом в обществе. Набеги на земли соседей, не связанных союзными отношениями, не только не считались преступлением, но и поощрялись. Чем дальше за пределы Родины совершался поход, тем он был престижнее. Отсюда и широкая география походов: Днепр, Волга, Дунай, Дон, Малая и Средняя Азия, Закавказье.

Согласно данным адыгского фольклора, адыгские отряды каждый год ходили в Хорезм и грабили города Тимура, уводили в рабство его подданных, бесчинствовали на караванных путях. Сохранился даже термин: *чэруан зеклуэ*, который, по-видимому, отражает специфику и объекты таких походов. Неоднократно объектом нападений адыгских отрядов с моря становилось черноморское побережье Малой Азии. По свидетельству И.Ф. Бларамберга, до тех пор пока не была учреждена Кавказская линия, адыги проникали вплоть до берегов Волги и Дона и пресекали всякие отношения между Азовом, Грузией и Персией¹.

Военные походы адыгов не ставили целью захват и удержание новых территорий. Они всегда предполагали возвращение домой. В зависимости от дальности поход мог продолжаться от нескольких недель до нескольких лет. Количество его участников было различным: от нескольких человек до нескольких тысяч. Существовали и одинокие всадники (*шу заклуэ*) – рыцари, путешествовавшие в одиночку. В отличие от дворян князю не пристало ездить в одиночестве – чем больше было у него спутников, тем выше был его престиж. Многочисленность собравшихся под его знамена воинов свидетельствовала о его авторитете.

Подобный образ жизни, связанный с войной и военными действиями, вела и часть крестьянства, даже зависимые его категории. Часть свободного крестьянства, занимавшаяся наездничеством, называлась *лхукъуэщауэ*. Это были незнатные рыцари (*лхукъуэлл* – сословие свободных крестьян, *щауэ* – «витязь»). А для знатных, особенно князей, наездничество было, так сказать, обязанностью, неразрывно связанной с их статусом. Князь, особенно молодой, не совершавший набегов, не был, по мнению черкесов, достоин княжеского звания. Польский путешественник – ученый Ян Потоцкий, описавший быт феодальной Кабарды конца XVIII в., сообщает, что князь не мог провести дома более восьми дней, не рискуя быть обесчещенным, потерять уважение окружающих².

Словом *зеклуэ* адыги обозначали любой поход, мотивы которого могли быть разными. Например, военный поход в Абхазию кабардинского князя Инала, пришедшего на помощь своему тестю – абазинскому князю, имел политическую окраску: выполнение союзнического долга.

Политический характер имели походы кабардинцев на Астрахань в 1532 и 1547 гг., в результате которых на астраханский престол были посажены их ставленники: в первом случае – хан Ак-Кубек, во втором – Ямгурчи, состоявшие в родстве с кабардинскими князьями. Как сообщают летописи, кабардинцы при этом захватили богатую добычу³. Набеги широко использовались кабардинскими князьями для подчинения соседних горских народов. Они были также немаловажным рычагом в политической борьбе адыгских князей между собою. Одна из особенностей обычного феодального права черкесов – обязанность адыгского князя защищать подвластных ему людей от нападений других феодалов. Если в результате феодальных междоусобиц они терпели материальный ущерб, он должен был его возместить. Князь, не соблюдавший этого правила, рисковал потерять своих подданных, которые, пользуясь обычаем покровительства, могли перейти на жительство к другим феодалам или же в другие черкесские общества. Потеря имущества и подданных в результате частых набегов, подрывала политическое влияние князя.

Грабительские набеги и войны не всегда отличались друг от друга. Крупный набег, сопровождавшийся открытым сражением, мало чем отличался от войны. «Грабеж в набегах мог приобретать такой размах, что его последствия не уступали последствиям войны, а непрерывные изнурительные набеги подчас давали не меньший эффект, чем решительное сражение»⁴. Именно подобная тактика способствовала разгрому и последующему уничтожению адыгами (пятигорскими черкесами) в период с 1498 по 1502 г. одного из крупных политических образований – Большой Орды, осколка распавшейся Золотой Орды⁵.

Зеклуэ можно рассматривать и как форму национально-освободительной войны. В ней применялась традиционная тактика ведения боевых действий путем скоротечных набегов, не предполагавших закрепления захваченной территории. Она определялась социальной структурой, этнополитической ситуацией, а также природно-географическими факторами. И.Ф. Бларамберг, служивший офицером Генштаба в Отдельном Кавказском корпусе, сообщал, что черкесы, не имея регулярной армии с ее тактикой и стратегией, знали толк в малых войнах, представлявших собой вереницу засад и внезапных нападений⁶. Подобная тактика боевых действий была наиболее эффективной и позволяла черкесам успешно бороться за свою независимость. Это признавали и генералы российской армии во время русско-кавказской войны:

из-за подобной тактики неприятеля они не имели возможности дать черкесам «генеральное» сражение и нанести их военным силам окончательное поражение⁷.

Одной из важных форм функционирования наездничества как социального института являлись ежегодные сезонные лагерные сборы адыгской знати для совершения набегов. Подробное описание этого обычая оставил Хан-Гирей. Два периода в году – весна и осень – считались благоприятными для наездничества. В это время князя, собрав молодых дворян, выезжали, как они выражались, в поле. Выбрав удобное для лагеря место, располагались в шалашах на всю осень или весну. Все это время самые молодые дворяне занимались по ночам угоном крупного и мелкого рогатого скота. Продовольствием, которое нельзя было добыть молодецеством (пшено, молоко, сыр и проч.), наездников по обычаю обязаны были снабжать крестьяне близлежащих селений. Крестьяне оставляли припасы в условном месте, не подходя близко к лагерю. Лучшие наездники отправлялись в набеги на земли близких и дальних народов, откуда угоняли табуны лошадей, захватывали людей и с этой добычей возвращались в лагерь. В то же время старший князь, глава партии наездников, отправлял от своего имени посланцев к другим князьям и те, согласно обычаю, щедро их одаривали. Нередко князя лично посещали своих кунаков и принимали от них дары, состоявшие из пленников и табунов лошадей. Для того чтобы одарить своего гостя в соответствии с его статусом, хозяева при нехватке средств часто совершали набег и всю добычу отдавали гостю. Так адыгская знать проводила время в течение всей осени до наступления первых морозов, а весной – до первых засушливых, жарких дней лета⁸.

Лагерные сборы, окруженные тайной, были исключительной прерогативой высших сословий. По свидетельству Яна Потоцкого, все это время князя сопровождали преданные ему дворяне и наездники-приятели из соседних народов (чеченцев, осетин и др.). Но никто из членов его семьи, будь то даже брат, не имел права навещать его. Наездники, находившиеся в лагере, скрывали свои лица под масками и разговаривали между собой на особом языке, непонятном для других. Одной из причин маскирования была возможность встречи лицом к лицу людей, находившихся в состоянии кровной вражды. Только князь – глава партии, – мог знать их всех и владеть всеми тайнами⁹. В свободное от набегов и грабежей время князь и дворяне охотились, пировали и занимались военными упражнениями.

По окончании сезона наездничества добычу делили между наездниками, и они разъезжались по домам. Жители аулов поздравляли их с возвращением. Наездники же, по обычаю, делали всем подарки, раздавая скот и другое имущество старикам, пожилым женщинам, своим знакомым.

Описанная выше организация, называемая *шу пщылэ* («стан наездников»), в русских источниках фигурирует как *кош*, а занятия собиравшейся в ней молодежи – как «гульба» или «молодечество». Эта организация, неразрывно связанная с институтом наездничества, являлась (по мнению некоторых исследователей) реликтом поздних форм мужских союзов, типологически сходных с такими же организациями у многих народов мира в прошлом. В данном случае мы наблюдаем все основные признаки подобных учреждений. Прежде всего это регулярность их функционирования в определенное время года, которое в народном сознании определяется как «пора наездничества». Время это связано со спецификой деятельности института зеклуэ: весна – начало лета, время появления подножного корма, осень до первых морозов (позднее ноября путешествовать, особенно в безлюдных степях, было уже опасно).

Другая характерная особенность данной организации – ее тайный, закрытый характер. Организация *шу пщылэ* была исключительной прерогативой князя и дворян, состоявших в его дружине. По свидетельству офицера русской армии Ф.Ф. Торнау, хорошо знавшего быт адыгов, крестьянам было запрещено близко подходить к стану наездников, а также интересоваться находившимися там людьми¹⁰. (Как упоминалось выше, даже братьям и другим родственникам было запрещено подходить к стоянке,

где находился князь с дружиной.) В свое время тайные мужские союзы индоевропейских народов равным образом были ориентированы на функции военной дружины и ее вождя. А специальный воинский культ с его церемониями и символами служил социальной обособленности их членов.

Другой атрибут, характерный для мужских союзов, – тайные языки. В источниках упоминаются несколько разновидностей тайных языков наездников: *шакобзе*, *фаршибзе* и *зиковшир*. По мнению некоторых исследователей, «шакобзе» – древний метафорический язык охотников, дополненный и переработанный для своих нужд наездниками с учетом новых функций¹¹. К тому же князья и дворяне во время своих тайных сборищ, кроме всего прочего, и охотились (в прямом смысле этого слова) и, – что особенно любопытно – принуждали крестьян называть их ежегодные сборы именно «охотой», заменяя этим безобидным словом термин *зекIуэ*, ассоциировавшийся с военными походами, разбоем, грабежами. Крестьянам запрещалось говорить на этом языке, даже если они его понимали¹². Упоминаемые многими авторами, в частности Я. Потоцким, маскирование, грабежи, террор по отношению к тем членам общества, доступ для которых закрыт в эти организации, – явление, характерное для мужских объединений многих народов.

Важным атрибутом мужских союзов были инициации, отмечавшие переход юношей в категорию взрослых мужчин, полноправных членов общества. У многих народов, находившихся на стадии общественного развития, именуемой «военной демократией», инициации были связаны с переходом юношей в категорию воинов и, как правило, сопровождалась торжественным вручением оружия. Обычай, носивший инициационный характер, существовал у черкесов и кабардинцев. У последних подобный обычай назывался *кьангъэунэху* («испытание воспитанника»). Искусству наездничества подростки начинали обучаться под присмотром своих *аталыков* (воспитателей), совершая небольшие кражи лошадей и скота в близлежащих окрестностях. Ближе к совершеннолетию (15–16 лет) аталык подыскивал своему воспитаннику надежных друзей, опытных наездников, под руководством которых тот начинал принимать участие в дальних походах. При этом вся добыча, приобретенная юношей в набегах, обычно принадлежала его воспитателю. От своих друзей-наставников, по сообщению Н. Дубровина, юноша получал так называемый *махлуф* – оружие и лошадь. Во время походов он – как младший в партии – караулил ночью лошадей, заботился о продовольствии, прислуживал другим наездникам, терпеливо переносил некоторое пренебрежительное отношение к себе как к мальчишке, не выказавшему еще ни храбрости, ни ловкости в наездничестве¹³. *Кьангъэунэху* – первый самостоятельный крупный набег, совершенный под руководством молодого воспитанника, являлся своеобразным экзаменом и свидетельством того, что его воспитание у аталыка завершено.

Всю полноту гражданских прав: право участвовать в народных собраниях, застольях, произносить тосты, жениться, а также уважение членов общества – адыгский юноша приобретал только после совершения поступка, достойного похвалы – удачного набега или убийства врага. Обычай оставлять на макушке бритой головы длинный пучок волос, иногда заплетенный в косу, был признаком перехода в категорию воинов. Этот пучок волос у адыгов назывался *акIэ* (ача). Юноша отращивал его после того, как становился воином (с 15–16 лет). По обычаю, отрубленные головы врагов или кровников увозили как трофей, привязав ача к седлу.

По окончании воинской жизни старый воин совершал обряд *акIэ упсыж* – («сбривания ача»). Название обычая – метафора, означающая уход на покой. *АкIэ упсыжыгъуэ* («пора ухода на покой») говорили о старом воине, переставшем ездить в набеги. О своем решении уйти на покой он давал знать всем знакомым, чтобы они, в соответствии с традицией, одарили его чем-нибудь на обзаведение хозяйством. Все друзья, которые раньше получали от него подарки, обязаны были прислать ему лошадей, баранов, быков и пр. С этого времени воин становился хозяином, домоседом и только от скуки временами принимал участие в набегах.

Рассмотрев основные атрибуты организации «шу пщыЕ», которые позволяют говорить о ее связи с древними мужскими союзами, перейдем к выявлению основных функций, выполнявшихся ею. Обычаю похищения людей и скота адыги придавали важное значение, так как он, по их мнению, способствовал воспитанию воинственного духа у молодежи. Многие авторы отмечали, что к наездничеству и набегам черкесы относятся не как к простому грабежу, а как к средству выработки военных навыков.

Общеизвестно, что любая армия должна поддерживать определенный уровень боевой подготовки. В регулярных армиях для этого проводится ряд специальных мероприятий. Наиболее важные из них – отработка тактических приемов боевыми подразделениями (в русской армии мероприятия такого рода назывались учениями) и индивидуальная физическая и боевая подготовка. В обоих случаях желательно, чтобы условия их проведения были максимально приближены к боевым. Если учесть особенности основной военной тактики адыгов, то очевидно, что во время *зек/уэ* как раз и отрабатывались главные ее элементы.

Основная тактика военных действий адыгов по существу приближалась к партизанской войне. Любая же партизанская война предполагает организацию базового лагеря, откуда проводятся операции. Система запретов подходить к наездническому стану, интересоваться количеством и намерениями находящихся в нем людей обеспечивала тайну предпринимаемых мероприятий, предотвращала утечку информации. Особенно актуально это было во время русско-кавказской войны, когда русское командование содержало широкую агентурную сеть лазутчиков из местного населения, оповещавших его заранее обо всех крупных набегах, планируемых адыгскими предводителями. Часто даже не корысть, а кровная месть или же ревность к славе известных наездников могла послужить причиной предательства.

Во время войны с иноземными захватчиками подобные походы являлись одной из форм народно-освободительной борьбы. Скоротечные набеги, не предполагавшие закрепления захваченных территорий, были традиционной военной тактикой черкесов, определявшейся социальной структурой, этнополитической ситуацией, а также природно-географическими условиями. При обороне своей территории адыги придерживались преимущественно наступательной тактики. В этом Ф. Энгельс видел причину их относительных успехов во время русско-кавказской войны. По его мнению, сила горцев заключалась в непрерывных вылазках из гор на равнины, во внезапных нападениях на русские позиции и аванпосты, в быстрых набегах в глубокий тыл русских передовых линий, в засадах на путях русских колонн¹⁴. Видимо, не случайно в период установления военно-административной власти России в Кабарде одним из первых мероприятий, предпринятых тогдашним главнокомандующим русской армией на Кавказе генералом А.П. Ермоловым, были «прокламации» к кабардинскому народу, запрещавшие институты наездничества и атальчества. Оба эти института входили в традиционную систему военной подготовки молодежи и обеспечивали высокий уровень военной мобильности общества. Как свидетельствуют документы, уже в 1793 г. с учреждением в Кабарде родовых судов и расправ, указами императрицы Екатерины II было «воспрещено кабардинцам собираться молодым людям на кошах для происков удалства»¹⁵.

Весенние и осенние сезоны, проводимые в поле, были серьезной школой воспитания адыгской молодежи, и не только военной. Здесь происходила социализация юношей, передача знаний от старшего поколения к младшему. Старые воины обучали молодых владению оружием, конем, тактическим приемам; юноши во время набегов приучались переносить тяготы и лишения походной жизни, у них вырабатывались такие необходимые качества, как смелость, самообладание, выносливость, умение ориентироваться и использовать особенности местности. Во время пиров, устраиваемых в стане наездников, молодежь слушала рассказы, древние легенды и предания, историко-героические песни, изучала народные обычаи и овладевала ораторским искусством. Последнее имело важное значение при проведении не только народных собраний, судебных разбирательств, но и военных советов. По военным обычаям

адыгов, при обсуждении операции и принятии решений все участники предполагаемой военной операции имели право высказывать свое мнение, предводитель не мог приказывать, он мог воздействовать только силой убеждения. Но после того как решения были приняты, подчинение приказам предводителя было обязательным.

Шесть месяцев в году адыгская знать проводила в набегах, которые стали обычаем и носили обязательный (ритуальный) характер. Это время (весна и осень) отложились в народном сознании как пора наездничества. Но и в другие сезоны князья и дворяне не прекращали совершать набеги, используя время, свободное от управленческо-административных функций. Такой образ жизни представители высших сословий вели с юности до преклонных лет.

Так как обычай наездничества был важным механизмом поддержания военной мобильности адыгского общества и способствовал сохранению независимости, он культивировался в обществе и был освящен нормами обычного права. С ним, например, связаны два специфических положения кодекса чести адыгского дворянина: *Уэркъ здаиэ цӀӀэуицӀэркъым* («дворянин (рыцарь) не спрашивает, куда его зовут»); *Уэркъ хаиэркъым* («дворянин (рыцарь) чужой тайны не разглашает»). В первом случае имелся в виду обычай, в соответствии с которым рыцаря могли пригласить следовать за собой даже совершенно незнакомые люди и он должен был последовать за ними, не требуя никаких разъяснений. Как правило, это было приглашение принять участие в набеге. Во втором случае – запрет дворянину, ставшему невольным свидетелем какого-либо преступления, например покушения на чужую собственность, выдавать содеявшего это. Впрочем человек, ставший свидетелем похищения, мог отбить украденное и возратить его хозяину, не называя вора.

В общественном быту традиционные институты были тесно взаимосвязаны. Нередко наездничество взаимодействовало с куначеством, гостеприимством, взаимопомощью и т.п. Например, между адыгскими князьями, поддерживавшими отношения куначества, было следующее обыкновение: если один из друзей обеднел или же ему не хватало средств для уплаты калыма при женитьбе, он приезжал в гости к своему приятелю, а тот в его честь организовывал набег. Всю захваченную добычу отдавали гостю. В данном случае происходило взаимодействие сразу нескольких традиционных институтов: куначества, гостеприимства, дарообмена и наездничества. При этом благородная цель – помощь нуждающемуся другу и одаривание гостя, достигалась за счет кого-то третьего, захватом чужого имущества и последующего его перераспределения.

Заклучение искусственного родства или дружбы обычно сопровождалось совершением совместного набега. Предложение своим новым друзьям совершить вместе, как выражались адыги, «одну дальнюю дорогу», было связано с тем, что, по их мнению, участие в набеге было лучшим средством испытать и укрепить дружбу. Опытные наездники стремились иметь кунаков в тех местностях, где они обычно занимались своим промыслом. При всеобщем вооружении народа и тех мерах предосторожности, которые обычно предпринимали горцы, было очень важно иметь помощников в той местности, куда совершался набег.

ЗекӀуэ различалось в зависимости от того, где и при каких условиях оно совершалось: 1) внутри своего этнического подразделения, но за пределами своего села, рода, удельного княжества; 2) на территории соседних родственных этнических групп, т.е. в Черкесии; 3) за пределами Черкесии, на территории других народов; 4) во время мира; 5) во время войны; 6) на территории, с населением которой нет союзнических отношений; 7) на территории общества, с которым заключен союзный договор; 8) в форме воровства, т.е. скрытного похищения; 9) в форме открытого вооруженного нападения, грабежа; 10) набег ради славы; 11) набег с целью добычи.

Правовые обычаи адыгов предусматривали определенные механизмы и правила, ограничивавшие и регулировавшие функционирование института наездничества. Согласно нормам черкесского обычного права, набеги за пределы своей общины,

клана на территории других кланов или народов, с которыми не было взаимных союзных обязательств, не считались преступлением. В то же время покушение на имущество «своих» признавалось воровством. В этом случае под «своими» подразумевалась не только та община или этническое подразделение, к которым принадлежал похититель, но даже другой народ, если с ним было заключено обоюдное соглашение жить в добром согласии. Этот обычай был между шапсугами и убыхами, впоследствии, в результате русско-кавказской войны, к этому союзу присоединились западные группы адыгов — абадзехи и натухайцы. Кражи у «своих» наказывались довольно строго: стоимость украденного возмещалась в 10-кратном размере. При каждой следующей попытке наказание увеличивалось, и, будучи пойманным в третий раз, виновный платил штраф в размере стоимости двухсот быков или же его убивали¹⁶. В данном случае имеется в виду наказание для тех людей, кто был пойман на месте преступления. Решение об этом выносил народный суд. Тот же, кто не был пойман, но против кого имелись улики и кому грозило разоблачение, платил штраф непосредственно хозяину. Это делалось тайком, дабы избежать огласки. А тот, кто воровал умело, не оставляя никаких следов, получал общественное признание. Адыгская девушка могла жестоко упрекнуть юношу за то, что он за свою жизнь не смог украсть даже коровы.

И в то же время слово «вор» было у адыгов самым большим оскорблением после слова «трус». Подобное противоречие становится понятным, если учесть, что общественное признание получал не просто вор, а удачливый вор. Быть разоблаченным в совершении кражи считалось большим позором, и неудачливые наездники предпочитали платить большие штрафы, лишь бы их провалившиеся предприятия не получили широкой огласки. При этом общественные нормы предусматривали меры к скорейшему урегулированию конфликта по факту кражи. Любопытно, что даже дружба у вора с потерпевшим от него не прекращалась¹⁷.

Среди людей, которых связали узы родства, дружбы, гостеприимства или какие-либо иные, права собственности уважались, поэтому внутри клана или сельской общины царило полное доверие и случаи воровства были чрезвычайно редки. А когда зекЮэ совершалось в пределах своего этнического подразделения, но вне своего села, рода, общины, удельного княжества, это действительно было похоже больше на воровство. В таких мероприятиях, как правило, объектами кражи были лошади и скот, реже люди. Набеги совершались скрытно, в них старались избежать столкновений, похитители опасались быть узнанными. Но и здесь действовали определенные правила и ограничения этикетного характера. Например, кабардинцы не одобряли утайки приблудившегося рогатого скота, особенно баранов¹⁸. Человек, нашедший такой скот, должен был всем объявить об этом и в течение 3 месяцев держать скот у себя. Если за это время хозяин не объявлялся, то бесхозный скот, по обычаю, раздавали бедным, малоимущим семьям села¹⁹. Соответственно не охраняемый, приблудившийся скот не мог быть объектом для захвата наездниками, ибо тогда терялся сам смысл наездничества: с риском для жизни захватить добычу, проявив при этом удачу, смелость, находчивость. Например, как рассказывают старики, наездники презирали и не принимали в свою среду людей, похищавших стреноженных лошадей: ведь для этого не требовалось ни смелости, ни ловкости²⁰.

При совершении зекЮэ на территорию родственных этнических подразделений, т.е. на Черкесию, также действовали определенные правила. Например, по свидетельству К. Главани, требовалось, чтобы похищаемые люди были молоды и не состояли в браке, в противном случае добычу считали непригодной и возвращали обратно. Как сказано выше, похищать, по адыгским адатам, разрешалось рабов, т.е. людей низших сословий²¹, людей же свободных сословий нельзя было обращать в рабство. Например, если человек был в детстве похищен и продан, то независимо от срока давности, любой, доказавший, что, по происхождению, он принадлежит к свободному сословию, мог потребовать его беспрепятственного и безвозмездного освобождения²². Нельзя было похищать более трех человек из одного селения²³.

На территории соседних обществ или этнических подразделений уже меньше избегали столкновений. Хозяева старались с боем отстоять добычу, отдать же ее без боя считалось позором. Если набеги проводились во время мира, то объектами нападения редко бывали сами населенные пункты, жилые и хозяйственные постройки.

Если же набег совершался за пределы Черкесии, то вместо многих из вышеуказанных ограничений действовали особые правила, соблюдавшиеся черкесами во время любой войны – междоусобной или с внешними врагами. Фундаментальные принципы адыгской этики, как то: человечность, уважение человеческого достоинства и чести – адыги распространяли и на военную сферу, считая недопустимым ведение войны без правил, без соблюдения этих принципов. Даже во время столетней русско-кавказской войны, когда русское правительство взяло курс на истребление горских народов, адыги избегали методов, противоречащих человечности. В частности, они считали для себя неприемлемым убийство детей, женщин, стариков, посягательство на жизнь и достоинство военнопленных, убийство безоружных и раненых противников, пытки и физические наказания, глумление над телами погибших, поджог домов и посевов, вырубку садов, уничтожение культовых церковных зданий, отравление, загаживание источников пресной воды и другие действия, многие из которых практиковались русской армией по отношению к черкесам.

Адыги различали набеги для славы и для добычи. В первом случае добыча не являлась самоцелью, а была лишь знаком, символом воинской доблести. Особенно это было характерно для эпохи средневековья. Если во времена Хан-Гирея (XIX в.) считалось зазорным без боя бросать добычу, то в эпоху Айдемыркана и других героев позднего средневековья (XV–XVI вв.) было зазорным без боя приобретать добычу, т. е. наездники стремились не просто захватить имущество и уйти с ним (например, угнать табун лошадей), но при этом еще и вступить в военное столкновение.

Были и общие правила, соблюдавшиеся наездниками на всей территории Черкесии (кроме указанных выше частных особенностей). Например, нападению не могли подвергаться путники, путешественники, купцы, паломники. Грабежа и разбоя на дорогах практически не было. Армянские и турецкие купцы, сопровождавшиеся только своими людьми, разъезжая по стране с большими запасами товаров, не подвергались ни грабежам, ни разбоям²⁴. Некоторые авторы такое положение вещей объясняли двумя причинами: всеобщим вооружением населения и клановой системой. После того как иностранец через искусственное родство отождествлялся с одним из кланов, последний становился ответственным за него, и он мог путешествовать в большой безопасности²⁵.

Хотя Черкесия не представляла собой централизованного государства с сопутствующими ему атрибутами, различные подразделения адыгского этноса объединял единый свод норм обычного права «*адыгэ хабзэ*», выполнявших функции законов. Если бы не было этих норм и правил, регулировавших повседневный быт людей, то их нормальная хозяйственная и общественная жизнь была бы невозможна. Благодаря существованию таких институтов, как гостеприимство, куначество, покровительство, были возможны хозяйственные, торговые, культурные, политические, общественные и личные связи внутри Черкесии, а также связи с внешним миром, с другими государствами и народами. Любой институт призван выполнять определенную жизненно важную для общества функцию. Но ни один институт не может носить самодовлеющего характера и, как правило, ограничивается другими институтами, находясь с ними в состоянии баланса. При этом они не столько взаимоограничивают друг друга, сколько взаимно обуславливают, дополняют друг друга.

Институт наездничества был тесно связан с куначеством, гостеприимством, покровительством, аталычеством, взаимопомощью. По мнению С. Броневского, наездничество послужило одной из причин возникновения и существования обычаев гостеприимства у черкесов, поскольку «общая склонность к рыцарскому странствованию произвела естественным образом всеобщее почтение» к нему²⁶. Все эти институты

были элементами единой системы. Взаимодействуя между собой, они все вместе поддерживали жизнестойкость адыгского общества.

Организация военных походов и тактика боевых действий зависели от различных условий и факторов: численности, социально-политического устройства различных этнических групп адыгов, природно-географических и др.

Кабардинцы, обладавшие первоклассной конницей, в отличие от западных причерноморских адыгов не практиковали пеших, а тем более морских походов. Свои набеги они совершали только на лошадях. Количество участников набега могло достигать нескольких тысяч человек. Но предпочтение отдавалось небольшим отрядам от нескольких десятков до нескольких сот человек (в исторических источниках периода русско-кавказской войны они обозначались термином «партия»), поскольку их сбор занимал меньше времени; организация была проще; созыв такой партии было легче сохранить в тайне, в то время как об организации большого войска противник узнавал заранее. К тому же набеги небольших отрядов были эффективнее, так как их было труднее обнаружить, а внезапность нападений и быстрота отхода делали их трудноуловимыми.

Военный поход мог быть организован решением народного собрания, являясь выражением политической воли целого народа или общества, как это было, например, с известным по преданиям походом кабардинцев в Бахчисарай за шелком в начале XVI в. В подобном случае предводителя войска избирали, хотя обычно эту должность занимали князья. При выборе же предводителя принимали во внимание не старшинство, не сословную принадлежность, а только личные качества: храбрость, военный опыт, организационные способности и т.д. Часто случалось, что походом руководили дворяне и даже лица из числа мусульманского духовенства.

Военный поход мог быть организован и по инициативе одного человека, который и становился его руководителем. Он должен был слыть опытным, храбрым наездником, известным своей удачливостью в набегах. Последнее было особенно важно: удачный набег приносил предводителю славу и пожизненно всеобщее уважение и вес в политической жизни своей общины, первенствующий голос на народных собраниях. Неудачный набег, повлекший большие потери, покрывал предводителя позором и означал его политическую смерть, поэтому при неудачах предводители не стремились спастись и сами искали смерти. Кроме всего прочего предводитель должен был быть хорошим *гъуазэ* («путеводителем»), знать местность, дороги, ориентироваться по звездам и другим приметам. Человек, затеявший поход, заранее рассылал по всему краю специальных гонцов – *шу джаклуэ* («конные пригласители») ко всем известным наездникам с предложением принять участие в набеге, назначал место и время сбора, но цель похода оставалась до последнего момента тайной, известной только предводителю.

Если участие в грабительских походах было сугубо добровольным, то во время войны дворяне, согласно нормам феодального права, обязаны были следовать за своими князьями. Князья приезжали на место сбора вместе со своими дружинами, причем у каждого из них был свой стяг (*сэнджак*) с изображением родового знака. Это позволяло издали, особенно во время боя, узнавать, какому князю принадлежит та или иная дружина. Стяг держал специальный назначенный воин – *сэнджакъуцлэт* («стяговик», «стягоносец»). Наряду со стягами, означавшими принадлежность к тому или иному роду, существовали знамена, фиксировавшие определенную этническую группу адыгов. Знаменосцами (*бэракзехьэ*) могли быть лишь представители дворянского сословия (*беслан-уорк*). Должность знаменосца была наследственной. В военных походах при помощи флага регулировали продвижение войска: по тому как знаменосец поднимал или наклонял его, войны производили перестройку своих рядов. Кроме знамен князья во время походов возили с собой литавры, звуки которых служили сигналами для управления войском во время похода и боя.

Часто в походах принимали участие и народные барды (*джегуако*). Имелись дружинные джегуако, которые вместе с наездниками разделяли все трудности и опасности дальних странствий. Они должны были воодушевлять своими песнями воинов

перед сражением и в ходе его, а после возвращения прославлять имена героев. Во время мира и во время войны джегуако пользовались правом личной неприкосновенности у всех адыгов. Их можно было отличить по внешнему виду: они ездили на серых конях и носили серые черкески.

С распространением среди черкесов ислама, особенно во время русско-кавказской войны, в походах стали принимать участие и служители культа – муллы, притом не только в качестве подателей духовной помощи раненым и умирающим, но и как настоящие воины, а очень часто и как предводители. В отличие от воинов они ездили на лошадях игреневой масти. Часто в походы брали местных адыгских лекарей *Иэээ*, оказывавших раненым необходимую помощь.

После осмотра предводителем оружия и походной экипировки воинов, совершался обряд принятия присяги. Воины клялись хранить верность полководцу, выполнять приказы, забыть на время похода все личное. Если в отряде находились кровные враги, то их обязывали на это время отложить вражду.

После принятия присяги конное войско делилось на две части. Одна из них состояла из отборных наездников – князей, дворян и их оруженосцев, одетых в кольчуги. Это войско в русской исторической литературе и источниках известно как «панцирники», адыги же называли его *уэркьыдзэ* («дворянское войско»). Панцирники составляли авангард войска, называемый *шуунэ* или *дзэпэ*. Все остальные легко вооруженные воины входили в арьергард (*шууклэ* или *дзэклэ*). Полководец (*дзэпци*) исполнял одновременно должность командира авангарда (*шуунэгъуазэ*); кроме того, он назначал командира арьергарда (*шууклэлэ*). Последний являлся его непосредственным заместителем и в случае гибели полководца занимал его место. Точно так же на авангард и арьергард делились и небольшие партии от ста и более человек. Авангардом и партией в целом командовал предводитель, называемый *пашэ*, а арьергардом – его заместитель, *клашэ*.

Что касается вопросов дисциплины, то кабардинцы и убыхи стояли на более высокой ступени развития военного дела, нежели все остальные этнические группы адыгов: их предводители имели право наказывать ослушников. У кабардинцев, например, князь, избранный полководцем, имел право в течение всей экспедиции осудить на смертную казнь любого без предварительного разбирательства и невзирая на ранг. При формировании войска и во время похода дзэпш мог отобрать хорошую лошадь у легковооруженного или слабого воина и отдать ее хорошему воину, если у того была плохая лошадь. На время похода предводитель назначал дежурных по войску (*шухьэтий*) из опытных, пользующихся авторитетом воинов. Дежурные должны были следить за сохранением порядка движения в войске, в его подразделениях, передавать распоряжения предводителя и следить за их выполнением.

При приближении к объекту нападения предпринимались особые меры предосторожности. На разведку уходило иногда несколько дней. Предводитель тщательно осматривал местность, проводил разведку, выяснял места расположения неприятельских постов, секретов, порядок их смены, определял, в каком месте удобнее напасть и т.д. Днем никогда не нападали, а только с наступлением сумерек, с тем, чтобы использовать день для отдыха. При этом заранее по пути предполагаемого отступления в нескольких местах устраивали засады. При необходимости переправы через крупные реки на своем берегу оставляли небольшую группу прикрытия, в задачу которой входила огневая поддержка возвращавшихся товарищей и раскладка костров, указывавших место перехода. Во время атаки авангард, состоявший из отборных воинов, сражался с защищающимся неприятелем, остальная же часть, входившая в арьергард, захватывала добычу и пленных, отгоняла табуны лошадей и скотину. Звуки литавр и призывы дежурных, рассылаемых дзэпшем, давали знать об отходе. Во время обратного марша порядок движения войска изменялся: авангард становился арьергардом и прикрывал отход остальной части войска, обремененной добычей. При отступлении стремились заманивать противника в заранее подготовленные засады или же, внезапно развернувшись, стремительно контратаковать увлекшегося погоней

и оторвавшегося от основных сил неприятеля. Первый привал делали только после того, как преследование прекращалось, а командир войска или партии был уверен в безопасности выбранного для этого места.

Для таких военных походов с использованием тактики внезапных нападений и быстрых отходов, были необходимы специально подготовленные лошади. Высокие качества черкесской кавалерии в значительной степени зависели не только от высокой боевой подготовки адыгских всадников, но и от породы и прекрасной выучки лошадей. Кабардинская порода лошадей удачно сочетала в себе выносливость и резвость. Такие лошади идеально подходили как для дальних походов, так и для стремительных скоротечных набегов.

По возвращении на место сбора происходил дележ добычи, после чего конное войско распускалось. Если поход был удачным, наездники, подъезжая к родным аулам, извещали о своем прибытии выстрелами, песнями и джигитовкой. Если же поход был неудачным, то в села въезжали поздно ночью без всякого шума. Тела убитых развозили по домам, но перед этим к родственникам убитых посылали специальных гонцов – *цхьэклуэ* («вестники горя»).

У адыгов отношение к добыче, нормы ее раздела были связаны с действовавшими институтами, обычаями, этикетными ценностями, особенностями взаимоотношений внутри господствовавшего класса. Нормы раздела добычи различались в зависимости от нескольких факторов: социальной структуры разных этнических групп адыгов («аристократических» либо «демократических»), условий захвата добычи (в сезон наездничества либо в ходе межплеменных войн) и некоторых других.

Раздел добычи, захваченной во время ежегодных весенних и осенних лагерных сборов адыгской знати, происходил следующим образом. По окончании сезона наездничества часть добычи (в основном пленные) продавалась или обменивалась на товары, не производившиеся в Черкесии (дорогие ткани, предметы роскоши и т.д.). Добыча делилась на равные части по числу людей в стане наездников. После чего каждый, начиная со старшего по возрасту, выбирал себе долю²⁷. При этом князь (предводитель) помимо общей получал еще особую долю. Согласно обычно-правовым нормам кабардинцев, если старший в роду князь ввиду старости не участвовал в набеге, ему все равно причиталась доля из захваченного его дворянами добра²⁸. Предводитель партии наездников получал вторую долю добычи независимо от его сословной принадлежности; она, согласно фольклорным данным, так и называлась – *гъуэзэцилэ* («доля за предводительство»)²⁹. Особые привилегии при дележе добычи имели кабардинские первостепенные дворяне (*лэкъуэллши*) Куденетовы, которым полагалась помимо общей доли лучшая из захваченных лошадей³⁰. Особая часть добычи полагалась также и знаменосцам³¹.

Когда поход организовывался по чьей-либо личной инициативе и предводителем его был сам организатор, после набега добычу делил он сам по своему усмотрению. Часто до начала похода его инициатор брал с участников набега обещание удовлетвориться той частью захваченного имущества, которую он им определит. В кабардинском фольклоре есть упоминание и о другом способе дележа – по жребью (*пхъэидзэ*)³². В этом случае всю добычу делили на столько частей, сколько было участников похода плюс еще одна доля. Доли (состоявшие из пленных, лошадей, трофейного оружия и т.д.) старались комплектовать более или менее равноценными. Предводитель имел право выбрать себе одну долю, другую же он получал на общих основаниях – по жребью. Относительно пленных у адыгов существовало такое правило: если их захватывали не в сезон наездничества, а во время войны, то они считались собственностью тех, кто их непосредственно пленил.

Возвращение наездников из похода было праздничным событием как для родственников, так и для односельчан. По обычаю, князья и дворяне не имели права оставлять себе ничего из захваченного (за исключением трофейного оружия и новой одежды, приобретенной на вырученные от продажи пленных деньги): все трофеи они раздавали своим подвластным, родственникам и знакомым. Остальные наездники скот и дру-

гое имущество раздавали в дар поздравляющим их с благополучным возвращением односельчанам, уделяя особое внимание беднякам, пожилым женщинам, вдовам и сиротам.

В честь наездников молодые девушки устраивали в доме одной из них *тхьэлъэу* – специальный обряд благодарственного обращения к богу. Тхьэлъэу сопровождался жертвоприношением (закланием домашнего скота и птицы), пиром с танцами и играми. Приглашенные на это торжество молодые наездники щедро одаривали присутствующих девушек кусками дорогих тканей, золотыми и серебряными украшениями и другими предметами роскоши. В представлении адыгов истинный наездник должен быть щедрым и раздавать все, добытое во время походов, в первую очередь нуждающимся. Сам же он должен избегать роскоши, домашнего уюта, комфорта, ходить в буквальном смысле оборванным.

Таким образом, отношение адыгских наездников к добыче было весьма своеобразным: рискуя жизнью, преодолевая множество препятствий, терпя лишения, месяцами не видя свои семьи, они захватывали добычу, с которой удивительно легко расставались. Объяснить подобное отношение к материальным ценностям невозможно без учета этикетных ценностей, господствовавших в адыгском обществе. К числу таких нематериальных ценностей, имевших огромное значение в жизни адыгов, относилась слава, прежде всего военная. Хан-Гирей отмечал, что черкесы делали различие между просто добычей и добычей со славой, а часто и противопоставляли добычу и славу, проявляя даже «презрение к добыче»³³. Больше всего наездник боялся, чтобы его не заподозрили в корысти и стремлении к обогащению. А для этого каждый наездник, желающий достичь уважения, особенно князь или дворянин, должен был иметь щедрую руку и дарить все, что добывал во время набегов. Престиж, воинская слава и популярность определялись дальностью и сложностью похода, а захваченные трофеи (*къуентхъ*) служили лишь символом, доказательством мужества и удали наездников, но отнюдь не были целью похода. Отсюда и двойственное отношение к добыче: с одной стороны, жажда ее приобретения, так как добыча символизирует воинскую доблесть, а с другой – полное к ней пренебрежение.

Воинская слава могла даже компенсировать неполноценность социального происхождения. Чтобы добиться славы (а слава в феодальной Черкесии была синонимом власти), князья должны были выделяться прежде всего храбростью и удачливостью на войне, а также своей щедростью. Только таким образом они могли привлечь к себе больше вассалов, служивших основой их военного и политического могущества. Характерной особенностью политического устройства адыгского общества было то, что, образно говоря, решающую роль в нем играл не авторитет власти, а власть авторитета. Набеги как таковые способствовали не только и даже не столько обогащению князей, сколько приобретению ими авторитета среди населения (в том числе и среди крестьянства). Экономические стимулы института наездничества в адыгском обществе играли незначительную роль: в основе экономического благосостояния Черкесии лежали благоприятные природно-географические, климатические условия и производительный труд крестьянства – основной массы населения. Немаловажное значение имели такие факторы, как большая (в масштабах Кавказа) территория, выход к морю и значительная внешняя торговля. Потенциальные возможности экономики, а также особенности общественного устройства (обычай взаимопомощи, куначества и др.) обеспечивали большинству населения достаточно высокий уровень жизни. Только постоянная внешнеполитическая напряженность препятствовала его повышению. Разумный в таких условиях аскетизм, неприятие духа накопительства и стяжательства были характерны для народа в целом, включая и представителей знати. Несмотря на свое богатство, адыгская аристократия вела довольно скромный образ жизни, схожий с бытом большинства населения. Итак, не бедность и не добыча как средство к существованию были определяющими мотивами адыгского наездничества, а возможность прославиться: храбрость и щедрость – вот два качества, которые давали мужчине-рыцарю вес и уважение.

Как отмечалось выше, наездничество в большей или меньшей степени было характерно для большинства народов Кавказа, о чем свидетельствует бытование у них специальных терминов, обозначающих это явление: абхазск. *ачыкулара*, осетинск. *балц*, балкарск. *жортуул*, карачаевск. *джортуул*, даргинск. *чабкъин*, аварск. *чабкъен*, лезгинск. *чапхун*, кумыск. *чапкъун*, чеченск. и ингушск. *гяр*. У всех народов в зависимости от особенностей общественного и экономического развития, социального устройства, природно-географических условий оно имело свою специфику. У многих наездничество и набеги помимо выполнения функции поддержания высокой военной мобильности в неменьшей степени имели под собой экономические мотивы. Больше всего это было характерно для горских обществ, где в неблагоприятных климатических условиях высокогорья, недостатка пахотных и пастбищных земель население в отличие от адыгов из-за бедности вынуждено было заниматься этим промыслом.

Как любое историческое явление институт наездничества нес в себе положительное и отрицательное начала. В частности, негативной стороной была работорговля и связанный с ней вывоз за пределы Кавказа людских ресурсов. Милитаризованный быт, сосредоточение всех ценностей вокруг военной сферы в ущерб другим областям материальной и духовной культуры, система воспитания адыгской элиты в соответствующем духе сковывали ум, препятствовали развитию общественного сознания, задерживали темпы социального и экономического развития общества. Вместе с тем система воспитания, связанная с институтом наездничества (как и аталычества), развивала в адыгах такие качества, как воинственность, мужество, владение в совершенстве воинскими навыками, стойкость в перенесении невзгод и другие качества, помогавшие им в течение столетий отстаивать свою политическую независимость.

Примечания

¹ *Бларамберг И.Ф.* Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992. С. 26.

² *Потоцкий Ян.* Путешествие в Астраханские и Кавказские степи // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. (далее – АБКИЕА). Нальчик, 1974. С. 226.

³ *Некрасов А.М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа. Последняя четверть XV – первая половина XVI вв. М., 1990. С. 102.

⁴ Война и мир в ранней истории человечества. Т. II. М., 1994. Ч. 3. *Перишц А.И.* Война и мир на пороге цивилизации: кочевые скотоводы. С. 187. См. также с. 198, 199.

⁵ *Некрасов А.М.* Указ. раб. С. 71–73.

⁶ *Бларамберг И.Ф.* Указ. раб. С. 38.

⁷ Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Тифлис, 1881. Т. 7. С. 902.

⁸ *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 236.

⁹ *Потоцкий Ян.* Указ. раб. С. 232.

¹⁰ *Торнау Ф.Ф.* Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик, 1999. С. 202–203.

¹¹ *Бгажноков Б.Х.* Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983. С. 126.

¹² Там же. С. 124.

¹³ *Дубровин Н.Ф.* Черкесы (адыге) // Материалы для истории черкесского народа. Нальчик, 1991. С. 154.

¹⁴ *Энгельс Ф.* Горная война прежде и теперь // *Энгельс Ф.* Избранные военные произведения. М., 1958. С. 100.

¹⁵ *Грабовский Н.Ф.* Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость // Сборник сведений о кавказских горцах (далее – ССОКГ). Вып. IX. Отд. 1. Тифлис, 1876. С. 176.

¹⁶ *Кох К.* Путешествие по России и в Кавказские земли // АБКИЕА. С. 589.

¹⁷ Российский государственный военный исторический архив. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 1126. Л. 12.

- ¹⁸ *Грабовский Н.Ф.* Очерк суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе // ССОКГ. Вып. IV. Отд. 1. Тифлис, 1870. С. 66.
- ¹⁹ Архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований (далее – КБИГИ). Ф. 10. Оп. 1; *Грабовский Н.Ф.* Очерк суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе. С. 1–78.
- ²⁰ Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12 А. Паспорт 22. Л. 60.
- ²¹ *Главани К.* Описание Черкесии, составленное Ксаверио Главани, французским консулом в Крыму и первым врачом хана в Бахчисарае 20 января 1724 г. // АБКНБ. С. 162.
- ²² Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики. Ф. 23. Оп. 1. Д. 274. Л. 145 об.
- ²³ *Главани К.* Указ. раб. С. 163.
- ²⁴ *Белл Дж.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838 гг. // АБКНБ. С. 486.
- ²⁵ Там же. С. 556.
- ²⁶ *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. С. 130.
- ²⁷ *Хан-Гирей.* Указ. раб. С. 237.
- ²⁸ *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, 1994. С. 156.
- ²⁹ Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. 3. Ч. 2. М., 1996, С. 214–215.
- ³⁰ *Ногмов Ш.Б.* Указ. раб. С. 166.
- ³¹ *Хан-Гирей.* Черкесские предания. Нальчик, 1989. С. 213.
- ³² Адыгэ IуэрыIуэтэхэр. Т. 2. Нальчик, 1969. С. 243.
- ³³ *Хан-Гирей.* Черкесские предания. С. 56, 255.

A.S. Mirzoev. Horsemanship as a traditional social institution of the Adigei people

Horsemanship as a traditional institution that played an important role in the history and culture of the peoples of the North Caucasus reached the peak of its development among the Adigei and Daghestan peoples. It served to maintain a high degree of military mobility and to form public opinion among them which prized valor, generosity and magnanimity as the principal merits of men. In the case of social elite it helped to achieve and consolidate power, while for the inhabitants of poor regions it was a way to enrichment. Its negative aspects were the development of slave-trade and thus exportation of labor force beyond the borders of the Caucasus.

© 2002 г., ЭО, № 1

М.Д. Боташев

ПОБРАТИМСТВО У КАРАЧАЕВЦЕВ

Побратимство – одна из форм искусственного родства – в различных формах и обрядовых исполнениях бытовало у всех народов Северного Кавказа и было широко распространено в различные периоды истории человечества на всем пространстве ойкумены. Изначально к установлению побратимства прибегали, как правило, в сложной жизненной ситуации, когда человеку (в случае коллективного побратимства – социальной общности) требовалась поддержка верного и надежного союзника. Основным мотивом вступления в братство на ранних этапах истории человечества было приобретение именно военного союзника. Так, например, в сборнике обычного права казахов и киргизов, составленном в 1886 г. П.Е. Маковецким, сказано: «По происхождению своему тамырство (побратимство. – М.Б.) относится к глубокой древности, к тем временам, когда киргизы, кочуя ближе к Средней Азии, приходили в постоянные столкновения как с иными племенами, так и между собою и когда